

## Антиплатоническая философия имени в русском анархизме\*

М. Ю. Мартынов

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ  
И ИСКУССТВ, ЧЕБОКСАРЫ

*Аннотация.* Статья посвящена проблеме «широты анархизма» и его определенности. Автор показывает, что параметры анархической идентичности не заданы раз и навсегда, а слова и вещи в представлении анархистов не связаны с необходимостью. Анархисты придерживаются точки зрения об условной связи слов и вещей, и в этой номиналистической направленности анархизм раскрывается как антиплатонизм. В перспективе антиплатонической установки в анархизме переосмысляются отношения однозначной вертикальной зависимости между копией и оригиналом. В анархическом дискурсе копия может быть важнее, чем оригинал, или она может обладать теми же правами. С проблемой расшатывания границы между подлинностью и неподлинностью связаны идеи плагиата и антикопирайта Ги Дебора, фейковые конструкции анархистов, ситуационистский пранк, détournement, «оранжевые акции», стёб, хэппенинг и др.

---

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

*Мартынов М. Ю.* Антиплатоническая философия имени в русском анархизме // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 111–134.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2  
© М. Ю. Мартынов, 2015

*Ключевые слова:* анархизм, власть, дискурс, антиплатонизм, копия, оригинал, бренд, антикопирайт, détournement, ситуационистский пранк, хэппенинг, анархическая идентичность.

УДК 81 + 141.131 + 329.285

*Контактная информация:* Мартынов Михаил Юрьевич, кандидат философских наук, доцент ЧГИКИ Минкультуры Чувашии, докторант кафедры русского языка МГПУ (ул. Энтузиастов, 26, Чебоксары, 428003, golossa@gmail.com)

Вслед за академиком Ю. С. Степановым под «философией имени» мы будем понимать такую «философию языка», «которая рассматривает все свои проблемы с точки зрения имени» [Степанов, 2010, с. 4] и его отношения к миру. При этом «философия языка» не представляет собой какое-то отдельное направление в философии или лингвистике, а скорее обозначает некоторую господствующую в определенный период времени систему взглядов на язык. В этом смысле «философия языка» сближается с известным термином «парадигма», введенным в научный оборот Т. Куном [1977], и «философия имени» тогда может быть названа также «семантической парадигмой» [Степанов, 2010, с. 5].

Термин *антиплатонический* применительно к «философии имени» обозначает широкий спектр подходов как в лингвистике, так и в философии, пытающихся в решении своих проблем освободиться от восходящих к Платону представлений о самождественности знака. Ален Бадью перечисляет шесть основных направлений антиплатонической мысли, возникших в XX в.: виталистский, эмпирико-аналитический, марксистский, экзистенциалистский, хайдеггерианский и «демократический» антиплатонизм политической философии от К. Поппера до Х. Арндт (см.: [Žižek, 2013]). В этой работе мы постараемся рассмотреть анархизм в качестве еще одной самостоятельной и специфической разновидности антиплатонизма. При этом важно уточнить, что речь идет не столько о критике анархистами философии самого Платона, с которым отдельные анархисты вполне могут быть в чем-то согласны, сколько об особой организованности анархического дискурса.

В общем-то, и в широком смысле антиплатонизм не означает обязательную критику взглядов Платона, в отличие от сложившейся под его влиянием интеллектуальной традиции. Например, А. В. Вдовиченко в исследовании, посвященном грекоязычным библейским текстам, выявляет конфликт двух парадигм лингвистического описания – восходящей к Платону предметной (античной) парадигмы и дискурсивной (коммуникативной) парадигмы. Предметная парадигма, согласно автору, является «непригодной для создания непротиворечивой лингвокультурной картины»,

а дискурсивная модель «оформляется как развитие и одновременно отрицание предметной модели» [Вдовиченко, 2014, с. 3, 9].

Античный структурно ориентированный подход к лингвистическим фактам основан на априорном признании объективности предметного элемента языка, его автономности и самождественности, следствием чего является соблюдение однозначно понимаемого принципа «знак – значение». Напротив, коммуникативный подход не мыслим вне коммуниканта (субъекта речи) с его перманентно осознаваемым *hic et nunc* (следствием чего является концепция нетождественности знака) [Там же, с. 4]<sup>1</sup>.

В философии антиплатоническая линия мышления особенно отчетливо выражена у Ф. Ницше в интерпретации Ж. Делеза. Согласно последнему, ницшеанское «переворачивание платонизма вверх ногами» связано с «возвышением симулякра и утверждением его в своих правах среди копий и изображений» [Делез, 1998, с. 235]. Симулякр, согласно Делезу, не является образом, за которым скрывается порождающая его истинная первооснова, т. е. это образ, который, в отличие от платоновской копии, не обеспечен подобием. Симулякр утверждает чистое различие, приход которого в мир ничем не гарантировано. Бытие симулякра представляет софист: «Он олицетворяет его как сатир, кентавр или Протей, который повсюду пробирается, вмешивается не в свое дело, незаметно вкрадывается и втирается во все» [Там же, с. 228].

В литературе, посвященной истории анархической мысли, одним из первых анархистов, или «протоанархистов» (в терминологии С. Ф. Ударцева [2005, с. 91]), принято считать софиста Антифонта, жившего в V в. до н. э. (см.: [Лурье, 2009]). Вообще античная софистика идейно близка анархическому мировоззрению, но об однозначной тождественности или преэминентности говорить все-таки нельзя<sup>2</sup>. Дело, как нам кажется, не только в исторической дистанции, отделяющей современные представления об анархическом идеале от подобных представлений в древности, но, как мы постараемся показать ниже, в отрицании самой идеи тождественности. Отрицание этой идеи означает отказ от обязательств следовать некоторому условному аутентичному образу анархизма, предположительно

---

<sup>1</sup> Обратим внимание, что *дискурс*, в трактовке А. В. Вдовиченко, это «*довербальная лично осознанная коммуникативная ситуация*, по отношению к которой вербальный текст является *развернутым предикатом*, состоящим из отдельных линейно-временных моментов, в отличие от понимания дискурса как “живой речи”, “связного текста”, “языка в языке” и пр.» [Вдовиченко, 2014, с. 7]. Согласно исследователю, знак, понятый как единство означающего и означаемого, не может что-либо означать вне конкретного акта коммуникации, т. е. никакое смыслообразование невозможно вне контекста реальной коммуникативной ситуации.

<sup>2</sup> Так, например, другие авторы не считают Антифонта выразителем анархических взглядов (например, см.: [Riesbeck, 2011, p. 283]).

сохраняющему свои сущностные характеристики в динамике исторических событий.

В диалоге «Кратил», как известно, Платон подверг критике релятивизм и субъективизм в учении об имени. Имена вещей для Платона не являются условными или произвольными – они отражают сущность (эйдос) обозначаемых ими вещей, т. е. имена в той или иной степени связаны с объективной реальностью и являются ее манифестацией.

Анархизм, напротив, с именами обращается очень свободно. Как мы собираемся показать далее, анархисты придерживаются точки зрения об условной связи слов и вещей, и в этой номиналистической направленности анархизм раскрывается как *антиплатонизм*. Сущность анархизма, по всей видимости, выражается не в именах, т. е. она не привязана к системе имен с определенными неотменяемыми значениями, а в активных (иногда насильственных) действиях, направленных на изменение общества. В связи с этим и собственная анархическая идентичность не является важнейшей ценностью в анархизме. Идентичность в анархизме – это всегда *скользящая идентичность*<sup>3</sup>.

*Скользящая идентичность* связана с тем, что в анархизме нет системы господствующих означающих, которая задает параметры идентичности в пространстве идеологического дискурса. Согласно Славою Жижек, в основе функционирования идеологии лежит процесс подчинения «плавающих означающих» некоторому «господствующему означающему». Идентичность «плавающих означающих» не определена заранее, она «открыта» и предопределяется их сочленением в цепочки с другими элементами [Жижек, 1999, с. 93]<sup>4</sup>. Остановка свободного взаимодействия различных идеологических элементов происходит в так называемых «точках

<sup>3</sup> Термин Н.М. Азаровой.

<sup>4</sup> «*Экологическое движение*, к примеру: сочленение его идеологии с другими идеологическими элементами не определено заранее. Существуют движения “зеленых”, ориентированные на государство (полагающие, что только вмешательство сильной государственной власти может спасти нас от катастрофы); “зеленый” может быть и социалистом (и считать капиталистическую систему причиной безжалостной эксплуатации природы); существует консервативное крыло экологического движения (проповедующее возвращение человека к своим “корням”) и т. д. *Феминизм* может быть и социалистическим, и аполитичным... Даже *расизм* бывает и элитарным, и популистским... Тотализация этого свободного течения идеологических элементов осуществляется “пристегиванием” – останавливающим, фиксирующим это течение, то есть превращающим его в часть упорядоченной системы значений» [Жижек, 1999, с. 93].

«Важным принципом любого идеологического дискурса является использование в нем ограниченного числа господствующих означающих (master-signifier), позволяющих связывать разноплановый символический материал (различные не связанные друг с другом высказывания, тексты, тезисы, лозунги, изображения и так далее) в единую идеологическую систему» [Юрчак, 2014, с. 154].

пристегивания» или «точках пристежки», в которых «плавающие означающие» сшиваются в некоторое единое идеологическое целое.

Point de capiton – это точка, в которой субъект «пришит» к означаемому, и одновременно это такая точка, в которой индивид интерпеллируется как субъект обращенным к нему призывом тех или иных господствующих означающих («коммунизм», «бог», «свобода», «Америка»). Одним словом, это точка субъективации означающей цепочки [Жижек, 1999, с. 107].

Например, согласно Алексею Юрчаку, советский авторитетный дискурс сшивался в единое символическое полотно при помощи господствующего означающего «Ленин – партия – коммунизм»: «Любой советский руководитель, включая даже Сталина, мог получить легитимность только путем установления прямой связи между собой и Лениным – либо как его соратник, либо как продолжатель его дела, либо как верный марксист-ленинист» [Юрчак, 2014, с. 157].

В анархизме нет этого единого господствующего означающего, некоторого жесткого диссигнатора, который мог бы задать однозначные параметры анархического дискурса. «В царстве политического власти соглашаются с ограничением себя до одного “истинного” образа, в то время как мы держим глаза открытыми для хаотичных возможностей» [CrimethInc, 2010].

Анархизм функционирует относительно множества имен и при помощи множества имен. Во-первых, не всегда то, что относится к анархизму, требует этого названия. Анархизм может существовать и вовсе без имени и не обязательно называться *анархистом*, чтобы им быть, как и не обязательно быть *анархистом*, чтобы им называться. Например, CrimethInc в работе «Признайся, ты хочешь восстания», замечает: «Зачастую те, кто находится на переднем крае столкновений с властями, вообще не считают себя анархистами, в то время как анархисты с тщательно сформулированной политической позицией избегают конфликтов и даже сопротивления путем саботажа»<sup>5</sup>.

Нечто похожее встречается и в рассуждениях известного анархиста Петра Рябова: «Многие люди очень часто являются “стихийными анархистами”, даже не зная об этом (как господин Журден у Мольера говорил прозой, не подозревая об этом). И, напротив, некоторые из тех, кто именуется себя анархистами, таковыми на деле не являются» [2011, с. 90].

Кроме этого, анархизм очень часто заменяется другими именами и обозначается как *либертаризм*, *антиглобализм*, *синдикализм*. При этом *либертаризм* не следует путать с понятием *либертарианство*, которым принято обозначать только одно из направлений анархизма – *анархо-капитализм*.

---

<sup>5</sup> См.: CrimethInc. Say You Want an Insurrection. URL: <http://www.crimethinc.com/texts/recentfeatures/insurrection.php>

Во-вторых, имя *анархист* имеет условный характер, это имя с постоянно ускользающим означаемым. Имя *анархист* выражает не что-то определенное, а отсылает к целой серии различных конкурирующих сущностей, каждая из которых может быть принята в качестве единственной основы. Иными словами, за именем *анархист* скрывается не образ истинного анархиста, а плохо прилаженные друг к другу осколки непредставимого целого.

«Когда человек мне говорит, что он анархист, он мало что сообщает о себе. <...> Анархист может быть братом моим во Бакунии или во Прудоне или далек от меня, как планета Плутон. Он может быть мыслителем, глубоко размышляющим над формами постгосударственного общественного устройства, или р-р-радикалом, ищущим самоутверждения в “крутизне” своего облика и поведения. Он может быть творческим исследователем, изучающим современность ради будущего изменения, или догматиком, свято хранящим догмы начала XX века» [Шубин, 2014, с. 117].

Например, близкая к анархизму творческая группа «ПГ» не имеет единственной расшифровки своего названия и, как следствие, единой сущности. В зависимости от ситуации «ПГ» расшифровывается как «Поп-графика», «Преступная группа», «Противотанковая граната», «Пожарный гидрант» и даже как «Полное Г...но»<sup>6</sup>. В данном случае *мы имеем дело не с разными названиями какого-то одного самотождественного явления, а каждый раз с новой сущностью.*

Также и псевдонимы одного из основателей ПГ, Ильи Фальковского, предельно вариативны. Псевдонимы Фальковского не имеют одной закрепленной формы и меняются от текста к тексту:

Ильяс Фалькаев («Автоном», 2007, № 29),

Редактор ПГ амир Ильяс Фалькенштейн («Аль-Манах ПГ», № 2),

мистер ФАЛЬКО («Аль-Манах ПГ», № 2),

Ильяс Фалько («Аль-Манах ПГ», № 2),

Обыватель Фалько («ПГ», 2009, № 3),

И. Ф. (Сайт «Голос ПГ»).

Анархизм критически настроен не только по отношению к собственной идентичности, но также и к любым другим самотождественным структурам, претендующим на власть и навязывающим определенную картину реальности. Так, например, в книге Наоми Кляйн «No Logo», которую некоторые исследователи называют «манифестом антикорпоративного движения» и «Библией антиглобалистов» [Заяц, 2005, с. 217]<sup>7</sup>, критикуются бренды как носители корпоративной сущности, распространяемой при помощи рекламных технологий и определяющей некоторый способ суще-

<sup>6</sup> Купюра наша. – М. М.

<sup>7</sup> Об антиглобализме и анархизме как о родственных явлениях см. статью А. А. Шумакова «Анархизм и антиглобализм» [2012].

ствования. При этом *способ существования* – это не *возможный* способ, а *единственно правильный*. Бренды связаны не с производством товаров, а с конструированием некоторого «правильного» образа жизни, принципы которого встраиваются в ткань повседневности и становятся естественными. Сознание, захваченное брендом, принимает его как результат собственного выбора, но в действительности никакой свободы выбора нет (см. подробнее: [Кляйн, 2003]).

При этом важно отметить, что в бренд встроена семантика подлинности. Как показала Роузмэри Кумб [Coombe, 1998], «бренд функционирует как своего рода *след* или *отпечаток пальца*, оставленный на продукте теми, кто его изготовил, то есть является свидетельством физического *контакта* между данным экземпляром продукта и его автором» (цит. по: [Юрчак, 2014, с. 392]).

Поскольку за анархизмом не закреплена определенная неотменяемая сущность, к анархизму и анархистам не применима бинарная оппозиция подлинный / неподлинный. Это означает, в частности, что анархистов нельзя разделить на настоящих и ненастоящих. Известный московский анархист В. Тупикин рассказывает историю о том, как он в 1997 г. в Германии пытался найти настоящих анархистов и как из этого ничего не получилось: «В 1997 году мы с немцами встретились в Берлине и спросили: “Вы – анархисты или вы – коммунисты?” Они сказали: “У нас так вопрос не стоит уже много десятилетий. Мы не можем вам сказать, анархисты мы или коммунисты. Мы поставтономные, антиавторитарные недогматические левые”. “Нет-нет. Слишком много слов: вы – анархисты или коммунисты?” В общем тотальное непонимание. Но потом мы говорим: “Покажите нам настоящих анархистов. Покажите и все”. Они: “Господи, где же мы вам их найдем?” Потом кто-то вспомнил: “А, знаем одно такое место. Только мы туда с вами не пойдем”. <...> Мы пошли, приходим. Какой-то книжный магазин, куча книг, небольшое кафе при нем, Бакунин, Кропоткин – все как надо. Люди с бородами (кто – с завернутыми по часовой стрелке, кто – с завернутыми против часовой стрелки), <...> с другими внешними отличиями – великолепные люди. Мы поняли, что вечер потерян. Но чтобы понять это, надо было увидеть. Нам показали настоящих анархистов, мы их увидели» [Тупикин, 2014, с. 27–28].

Иными словами, в перспективе антиплатонической установки переосмысляются и отношения однозначной вертикальной зависимости между копией и оригиналом. Если функционирование идеологического дискурса было так или иначе связано с процедурами воспроизводства оригинала<sup>8</sup>,

<sup>8</sup> «Образы Ленина, как и цитаты из его текстов и выступлений, не могли быть представлены как *личная интерпретация* художника или писателя. Их нельзя было изображать в форме, которая *случайным образом* отличается от зафиксированного стандарта. Напротив, образы “Ленина” должны были функционировать как непосредственные прямые *отпечатки* с оригинала» [Юрчак, 2014, с. 186].

который выступал в виде некоторого господствующего означающего, то для анархизма копия может быть даже важнее, чем оригинал, или она может обладать теми же правами. Например, в ситуационизме Ги Дебора провозглашаются *идеи плагиата* и *антикопирайта*: «Идеи совершенствуются. Соучаствует в этом и смысл слов. Плагиат необходим. Его предполагает прогресс. Он точно держится фразы автора, пользуется его выражениями, удаляет ложную идею и заменяет ее идеей верной» [2000, с. 109]. Разрушение иерархических отношений между оригиналом и копией можно также увидеть в «манифесте неоригинальности», автором которого является близкая к анархизму творческая группа СВОИ2000. В фильме «Шапито-Шоу», созданном участниками этой группы, можно найти следующую формулировку этого манифеста: «А задумывались ли вы когда-нибудь, являетесь ли вы сами собой или, может быть, кем-то еще. Все копия. Нет ничего настоящего. Мы все живем в эпоху эрзацев. Все тоньше грань между настоящим и искусственным. За моей спиной храм Христа Спасителя. Точная копия храма, стоявшего здесь и взорванного в 1932 году. Сейчас его восстановили и это копия, ну и что. От того, что это копия, стал ли этот храм менее святым? <...> Этим проектом мы провозглашаем свободу – свободу не быть собой. Уничтожить монополию оригинальности – в этом наша цель» («Шапито-Шоу», 2011).

С условностью отношений между подлинностью и неподлинностью связаны и фейковые (от англ. *fake* – фальшивка) конструкции. Это может быть вымышленная реклама, вымышленные анархические партии, научные конференции<sup>9</sup>, уличные выступления и другие акции анархистов, балансирующие на границе правды и вымысла.



Пример фейковой рекламы  
из второго номера журнала «ПГ»

<sup>9</sup> Например, фейковая Межрегиональная конференция «Левые против!!!». См.: <http://anarhia.org/forum/viewtopic.php?f=26&t=28262>



Институт путей разглобализации представляет  
«АССОЦИАЦИЮ ЛЕВО-ПРАВЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ РОССИИ»

«Супер. Фосфат» (Екатеринбург)  
«Фломастер анархо-патриотизма» (Москва)  
Бойцовский клуб «Антиглоцер» (Люберцы)  
«Левые алкоголики» (Новосибирск)  
«Локус», «Герпес» и «Прикус» (все – Москва)  
«Рвотные булочки» (Иерусалим)  
«Гоморра» (Шаталов)  
«Майн Хоф» (Калининград)  
Книгоиздательство «Сплошное» (Москва)  
«Экспериментальная студия непонимания» (д. Ново-Дарьино)<sup>10</sup>

В отдельных случаях вымысел переходит границу несерьезности, или балансирует на этой границе, и входит в мир большой политики как реальная сила. Из современных примеров можно вспомнить американскую группу The Yes Men, которой удалось подделать сайт ВТО, а также выпустить поддельный номер газеты «Нью-Йорк Таймс»<sup>11</sup>.

Очень часто устраиваемые анархистами розыгрыши и провокации сопряжены с риском уголовного преследования. Например, как сообщает интернет-ресурс «Белорусский партизан», в мае 2015 г. на анархистов было заведено уголовное дело за объявление судьи Ленинского района Минска в розыск. В подъезде дома судьи и на припаркованные рядом автомашины анархисты наклеили листовки, в которых этот судья как бы объявлялся в розыск «за вынесение несправедливых приговоров и привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного»<sup>12</sup>.

Широко известны также примеры ситуационистского пранка (от англ. prank – розыгрыш, шутка), обозначаемого чаще всего понятием *détournement*<sup>13</sup>. В работе Ги Дебора и Жилия Вольмана «Методика *détournement*»

<sup>10</sup> Вымышленные анархические организации. Публикация «на правах рекламы» в русскоязычном издании книги Б. Блэка «Анархизм и другие препятствия для анархии» [Блэк, 2004].

<sup>11</sup> Илья Фальковский: «Опыт работы в творческой группе – это опыт анархического мышления». COLTA.ru [Интервью взяла Л. Адашевская]. 03.09.2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/30664>

<sup>12</sup> Белорусский партизан. 01.05.2015. URL: <http://www.belaruspartisan.org/politic/303340/>

<sup>13</sup> «*Détournement* (букв.: отклонение, изменение направления, незаконное присвоение, злоупотребление, искажение, *фр.*) – техника повторного использования готового культурного материала в измененном, переделанном виде – путем его

приводится описание основополагающих техник, направленных на расшатывание существующего положения дел. Среди этих техник одной из существенных является коллаж: «При совмещении двух объектов, не важно насколько сильно отстраненных от оригинального контекста, между ними обязательно формируется новая связь. Самоограничение до самостоятельного подбора слов – не более чем условность. Слияние двух чувственных миров или объединение двух независимых выражений вытесняет оригинальные элементы и производит синтетическую организацию большей эффективности» [2015].

Коллаж в понимании ситуационизма оспаривает идею подлинности, поскольку соединение фрагментов в коллаже не является соединением чего-то однозначно оригинального, например, точных цитат: «Творец не ограничен лишь исправлением работы или сборкой разнообразных фрагментов устаревших работ в новое произведение; позволено также изменять значение этих фрагментов любым способом, оставляя идиотам рабское корпение над “цитированием”. <...> Необходимо представить такой пародийно-серьезный уровень, где накопление реверсированных элементов (далекое от целей вызвать возмущение или смех ссылкой на оригинальные работы) выразит наше безразличие к бессмысленному и позабытому оригиналу и позволит выйти на более высокий уровень» [Дебор, Вольман, 2015].

Расшатывание границы между подлинностью и неподлинностью, серьезностью и несерьезностью, можно заметить в уличных выступлениях анархистов. Например, В. Дамье описывает «оранжевые акции», устраиваемые Инициативой революционных анархистов (ИРЕАН), определяя их как «акции стёба и издевательства над системой»: «Первой оранжевой акцией ИРЕАН была акция 1 апреля 1991 года, когда <...> было резкое повышение цен. Мы склеили из картона гроб, окрасили его черной краской и написали: “Советский народ, погибший в борьбе Горбачева и Ельцина”. Взяли портрет Ельцина, пририсовали ему нимб из коробочек сигарет, жевательных резинок и пр. И стали приставать к прохожим с просьбой подписать петицию за коронацию и канонизацию Бориса Николаевича Ельцина. Были такие, кто подписывали» [2014, с. 122].

Возможно понятие *стёба* здесь не самое удачное, поскольку, по определению Светланы Бойм, *стёб* является не прорывом к свободе, а «защитной реакцией» в условиях несвободы – он связан с советской, а потом и российской «осторожностью» перед системой. «Стёб одомашнивал несвободу, мимикрируя ее в языке. Он формировал недоверие к любым фор-

---

наполнения иным смысловым содержанием и применения в новом качестве (например, придание другого звучания комиксам или отрывкам из художественных фильмов при помощи замены текстового или звукового ряда)» [Дебор, 2015, с. 271].

мам прямой речи, необходимым для создания политических институтов. За стёбом ничего не стояло» [Бойм, 2001, с. 117–118].

С другой стороны, Алексей Юрчак говорит о том, что в позднесоветском периоде *стёб* был не только «защитной реакцией», но представлял собой иронию вменяемости. *Стёб* хотя и являлся частью воспроизводства системы, но это воспроизводство было неточным, со смещением идеологически значимых смыслов и производством новых [2014].

В целом анархическому дискурсу свойственно насмешливое отношение к действительности. Некоторые издания анархистского самиздата, как, например, выходившая в конце 1990-х гг. белорусская газета «Навінкі», полностью построены на стёбе и провокациях, другие издания выглядят как комиксы или представляют собой сборники анекдотов<sup>14</sup>.



Уличные выступления анархистов очень часто принимают форму хэппенинга. И в общем-то само возникновение идеи хэппенинга тесно связано с ситуационизмом. Один из первых хэппенингов был проведен Алланом Капроу (Allan Kaprow) в 1959 г. («18 хэппенингов в 6 частях»), т. е. спустя два года после основания Ситуационистского интернационала (СИ) (подробнее см.: [Кузнецов, 2003]).

Хэппенинг является временной конструкцией. Как пишет Наталия Азарова, «принцип хэппенинга проявляется в приоритете кратковременной событийности, создании формальных композиций, собранных для того, чтобы быть разобранными» [Азарова, 2013а, с. 43]. «Кратковременная событийность» анархистских хэппенингов характеризует также и анархиче-

<sup>14</sup> Автор благодарит Е. Н. Струкову, возглавляющую Центр социально-политической истории ГПИБ России, за помощь при составлении иллюстративного материала.

скую идентичность, скользящие параметры которой указывают на то, что анархизм не может быть сконструирован как нечто окончательное, – целостность анархизма представляет собой сборно-разборную конструкцию. Так, например, Сергей Лобан называет движение СВОИ2000, одним из основателей которого он является, «эфемерной конструкцией» (см.: [Федоренко, 2011]), а сообщество *Anonymus* сравнивает себя с условной конструкцией движущегося маршрутного автобуса или трамвая: «Вы не можете присоединиться к Анонимам. Никто не может присоединиться к Анонимам. Аноним не организация. Это не клуб, не партия и даже не движение. Не существует устава, нет правил, нет членских взносов. У Анонимов нет лидеров, нет гуру, нет идеологов. Нет даже идеологии. Все, что мы есть, – это люди, которые в течение нескольких минут идут вместе, как пассажиры в автобусе или трамвае: в течение краткого периода времени мы движемся по маршруту к общей цели. И в этом совместном путешествии мы вполне можем изменить мир»<sup>15</sup>.

Как нам кажется, смысл единства, которым обладает *Anonymus*, можно определить через понятие «множество» (*multitudo*), как оно понимается в контексте идей Б. Спинозы. По замечанию Паоло Вирно, «для Спинозы термин *multitudo* указывает на множественность, которая существует как таковая на общественной сцене, в коллективном действии, по отношению к общим делам, не соединяясь в Едином и не растворяясь в центростремительном движении» [Вирно, 2013, с. 10]. Иными словами, *multitudo* Спинозы существенно отличается от *multitudo* Т. Гоббса, для которого это понятие означает не имеющую общей воли массу или толпу, т. е. нечто противоположное понятию *народа*, генетически связанному с государством. А. Пензин поясняет: «Множество – и не однообразная “масса” или “толпа”, и не “народ” как культурно и идеологически унифицированная общность людей, и не социальный класс в традиционном смысле слова. В чем-то оно близко понятию большинства (в смысле популярного сейчас политического тэга “99 %”) – “вот этих”, данных здесь и сейчас “людей”, взятых до всяких их определений и классификаций» [2013, с. 10].

Нетрудно заметить, что характеристики множества, которым обладает *Anonymus*, совпадают с параметрами *multitudo*. Но к этому важно добавить, что *Anonymus*, кроме практики отказа от имени, добавляет к *multitudo* также и характеристики неоконченности и незавершенности любых объединительных конструкций.

Временный характер анархистских конструкций, их подвижность и непостоянство делает невозможным какое бы то ни было целое. Иными словами, анархисты следуют логике фрагмента и считают, что *целое не истинно*. Это означает, в частности, что анархисты отдают предпочтения не

<sup>15</sup> Как присоединиться к ANONYMOUS: руководство для начинающих // Ультракультура 2.0. URL: <http://www.ultraculture.net/blog/txno/kak-prisoedinitysya-k-anonymous-rukovodstvo-dlya-nachinayushhix/>

большому социальному целому, а небольшим общностям единомышленников или друзей – «аффинити-группам» (см.: [CrimethInc, 2010, с. 51–53]), а также, что антиномию личности и общества они решают в пользу личности.

Для того чтобы выделить этот тезис в ряду других и показать его нетривиальность, необходимо совершить небольшой экскурс в историю соотношения понятий части и целого и бегло обозначить иные возможные модели их осмысления. Так, например, если анархическое мировоззрение ориентировано на фрагмент, то миф устанавливает тождество частей и фрагментов. Э. Кассирер сопоставляет такое мифологическое понимание части и целого с особенностями научного мышления: «Для нашего эмпирического взгляда целое “состоит” из его частей; по логике познания природы, по логике научно-аналитического понятия каузальности целое “следует” из них; но для мифологического взгляда в сущности не приемлемо ни то, ни другое, здесь еще господствует подлинная нерасчлененность, мысленная и реальная “индифферентность” целого и частей. Целое не “обладает” частями и не распадается на них – часть в данном случае *есть* непосредственно целое и действует как таковое. <...> Часть представляет собой, с точки зрения мифа, все ту же вещь, что и целое» [2001, с. 43].

Когда Э. Кассирер говорит о науке, он подразумевает классическую науку или механистическое естествознание, возникшее в XVII в. и утверждающее равенство целого и суммы частей, из которых оно состоит. Известно, что в XX в. благодаря системному подходу, а также гештальт-психологии, в науке произошел переход «от частей к целому» (см.: [Капра, 2002]). И сегодня в науке все прочнее утверждается мысль о том, что свойства системы (целого) не познаются аналитически, так как их невозможно вывести из свойств частей этого целого. Такое целое, имеющее эмерджентные (внезапно возникающие) свойства, оказывается больше суммы составляющих его частей.

В XX в. можно отметить и другой поворот – от целого к частям, но совершающийся не в научном дискурсе, а скорее в связи с критикой последнего. Такие понятия, как *фрагмент* Ж. Бодрийера или *punctum* Р. Барта, отражают опыт нахождения пространства, свободного от идеологических посредников.

Комментируя фотографию в книге «Camera lucida», Р. Барт различает *studium* и *punctum* [Барт, 2011]. *Studium* – это инстанция, кодирующая и направляющая (отсылающая) взгляд к определенным культурным смыслам. Взгляд *studium'a* анонимен, он никому не принадлежит, но вместе с тем он принадлежит каждому, кто преодолевает дистанцию от единичного события к событию, захваченному *studium'ом*. К отображенной реальности на фотографии *studium* присоединяет точку зрения, настойчиво стремящуюся совпасть с взглядом реципиента. По этой причине фотография лишена нейтральности. В поле *studium'a* можно участвовать только

внешне, в отличие от *punctum'a*, который предполагает нередуцируемый личный опыт, находящийся за пределами культурного кодирования. Если *studium* интересует количественная универсальность, воспроизводимость события, то в точке *punctum'a* событие обретает свою уникальность. *Punctum*, согласно Барту, и есть то средство, что позволяет обойти идеологию, приблизиться к событию в его непосредственной данности.

Р. Барт один из первых связал понятие коннотации, разработанное Л. Ельмслевым, с идеологией (см.: [Косиков, 2001]). В своих ранних работах убежденный в существовании знака, свободного от коннотативной нагруженности, Барт в итоге пришел к выводу о том, что «денотация на проверку оказывается лишь *последней* из возможных коннотаций» [2001, с. 36]. Ко времени написания «*Camera lucida*» Барт очень хорошо осознавал утопичность своего антиидеологического проекта. Поэтому *punctum* не предполагает борьбы с идеологией, это не стратегия сопротивления. Как точно замечает Г. Косиков, противостоять идеологическому для Барта значит «похищать», «ускользнуть», «дрейфовать», не находя пристанища ни в одном из типов дискурса [2001, с. 25–26].

К *punctum'u* Барта очень близко подходит понятие *фрагмент* Ж. Бодрийера. *Фрагмент* – это не фрактал («целое, воспроизведенное в части») и не фрагмент, понятый как часть утраченного целого (фрагмент не детерминируется целым). *Фрагмент* для Бодрийера – это антиидеологическая стратегия, нацеленная на «преодоление системного», это событие, лишенное оценок, «событие в его буквальности». *Фрагмент* не подчиняется репрезентативным стремлениям субъекта, его желанию упаковать *фрагмент* в систему ценностно-смысловых означающих [Бодрийер, 2006]. Нацеленность на фрагментарность означает также и попытку замедлить ускорение реальности, прервать серийность вещей. Мысль Бодрийера чувствительна к вопросу, насколько большим может быть расстояние от вещей до системы ценностей. Как и Барт, он признает, что мир, лишенный оценок, – утопичен, но при этом находит эту утопию оправданной [Там же, с. 15].

В известной работе «Фрагменты анархистской антропологии» Дэвид Грэбер говорит о том, что анархистская теория не представляет собой фундаментальную теоретическую целостность, претендующую на объяснение вообще всех явлений, имеющих какое-либо отношение к анархизму. «Мы говорим не столько о целостной теории, сколько о мировоззрении или, скорее, даже вере в то, что некоторых типов социальных взаимоотношений можно избежать и что определенные другие взаимоотношения были бы много лучше <...>. Анархизм куда больше нуждается в том, что можно назвать Низкой Теорией, чем в Высокой Теории. Низкая Теория – это способы решения тех реальных непосредственных проблем, которые возникают при осуществлении преобразовательных проектов» [Грэбер, 2014, с. 7].

К этому следует добавить, что отсутствие единой большой теории анархизма, говорит не о бедности ее теоретической мысли, как раз в этом отношении существует немало выдающихся примеров, а о принципиальной фрагментарности анархистского способа понимания и представления мира. Логика фрагмента, которой отдают предпочтение анархисты, не позволяет говорить о теоретической завершенности анархизма. Как сказал известный русский анархист А. А. Боровой, «анархизм – мирозерцание динамическое», «анархический идеал не знает конечных форм» [2009, с. 154]. Анархизм – это открытый проект, поэтому не существует никакого «истинного» анархизма, которому необходимо соответствовать и на который следует равняться. Обращение к теории и истории анархизма заставляет каждый раз заново осмыслять это понятие и определять его с той или иной степенью (не)уверенности<sup>16</sup>.

Если нет никакого истинного анархизма, то означает ли это, что анархизмом может быть все, что угодно? Как в таком случае отличить, например, анархиста от марксиста? Петр Рябов в одной из статей формулирует важный вопрос о *границах широты анархизма*: «Понятно, что анархизм широк и по своему духу непартиен и недогматичен, не имеет своих священных коров и священных писаний, как у марксистов. Но где границы этой широты, за которыми исчезает всякая качественная определенность?» (курсив наш. – М. М.) [2011, с. 90].

Как мы думаем, определение границ *широты* невозможно по определению, тем более, если требуется в этих границах удерживать *качественную определенность* анархизма. *Широта анархизма* и есть его первое необходимое качество, принадлежащее не каким-либо отдельным направлениям, а анархизму как некоторой универсальной практике. Важно подчеркнуть, что *широта* в данном случае ставит под вопрос не просто определенность анархизма, а любое единство, определенность как таковую. Любая попытка определить границы *широты* путем связывания различных элементов в некоторое единство представляет собой стремление власти к контролю над множеством. Как отмечают Ж. Делез и Ф. Гваттари, «понятие единства появляется лишь тогда, когда в множестве власть захватывает означаемое или когда в нем производится некий процесс, соответствующий субъективации» [Делез, Гваттари, 2010, с. 15].

В этом отношении вопрос об отличии анархиста от марксиста представляется несколько некорректным или во всяком случае неточным –

---

<sup>16</sup> Так, например, как пишет основоположник криптоанархии Тимоти Мэй, «анархия – это не анархия в обычном понимании беззакония, беспорядка и хаоса. Это также и не анархия бросавших бомбы “черных” анархистов XIX века, обычно ассоциирующаяся с Россией и пролетарским движением. И это не анархия “черного флага” анархо-синдикалистов и писателей вроде Прудона. Анархия, о которой здесь говорится, – это анархия “отсутствия руководства” (в буквальном смысле слова “арха” – правитель, глава)» [Мэй, 2005].

идентичность в анархизме, как мы видели, очень условна и ее невозможно определить на основе заранее заданных параметров. Не существует в анархизме и единого универсального субъекта, воспроизводящегося в каждом направлении анархистской мысли. Если анархическая субъективность и возможна, а она возможна, то способ ее существования определяется понятием «множество», а не «единство». Одним из принципов воспроизводства такой субъективности может быть гетеронимия как множественная субъективация<sup>17</sup>, лежащая в основании, например, поэтического творчества субкоманданте Маркоса (см. подробнее: [Азарова, 2013б]).

Анархизм в терминах Ж. Делеза и Ф. Гваттари можно представить, как множество или ризому, не имеющую организующего центра: «любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой ее точке. Это весьма отличается от дерева или корня, фиксирующих некую точку и некий порядок» [2010, с. 12]. Способ взаимодействия различных линий в *множестве* Делез и Гваттари называют *сборкой*. При помощи механизма *сборки* осуществляется взаимодействие между элементами, отношения между которыми не являются иерархическими. «У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу. <...> Сборка и есть такое пересечение измерений в множестве, которое с необходимостью **меняет природу в той мере, в какой наращивает свои соединения**<sup>18</sup>. В ризоме нет точек или позиций, какие мы находим в структуре – дереве или корне. Есть только линии» [Там же, с. 14].

Анархизм никогда не бывает равным самому себе. Анархистские конструкции имеют временный и незавершенный характер, как мы наблюдали в примерах с хэппенингом, – это сборно-разборные конструкции. Попытки создать единую и окончательную версию анархизма, как в «платформизме Аршинова – Махно», редки и не особо популярны. Несамостоятельность анархического дискурса в этом контексте означает, что *анархизм создает ризому с чем-то еще*. Например, в знаменитой «Коммуне-1», организованной Фрицем Тойфелем в 60-х гг. XX в., идеи крайнего анархизма соединяются с идеями крайнего тоталитаризма (подробнее см.: [serg\_mihalych, 2011, с. 183]). В этом процессе происходит взаимодействие

---

<sup>17</sup> «Принцип гетеронимии как множественной субъективации предполагает, что каждый раз создается новый образ языка, то есть принцип гетеронимии предполагает более высокую метаязыковую рефлексивность и наличие межъязыкового и метаязыкового сознания как такового. Множественная субъективация подразумевает, что ничто не дано в готовой формуле, каждый раз мы говорим на новом языке (точнее, используем новую дискурсивную модель), таким образом, соотношение нашего говорения и идеального универсального языка каждый раз выстраивается заново» [Азарова, 2014, с. 164].

<sup>18</sup> Выделено нами. – М. М.



элементов различной природы, изменяющих свой исходный код и приобретающих новое качество. Или, например, в анархо-капитализме изменяется представление о капиталистическом миропорядке, что в свою очередь меняет и анархическое мировоззрение. Нечто похожее можно наблюдать в анархо-примитивизме, анархо-эсперантизме, криптоанархии, в анархо-фашизме и др.

Таким образом, противоречивость анархизма вряд ли может быть «творчески изжита», как мечтал об этом Алексей Боровой [2009, с. 160]. Как нам кажется, взгляд на анархизм как на ризому, является точнее, чем представление анархизма в виде скопления противоречий, разнородных и несовместимых взглядов. Противоречия связаны с бинарным мышлением, т. е. в конечном счете с отношениями власти, которые анархизм как раз и стремится разрушить.

Однако важно сделать еще один шаг и сказать, что анархизм не является также и ризомой. Неточность ризомы объясняется тем, что принадлежность к ней связывает анархизм с постмодернизмом, как будто анархистское мышление может быть только постмодернистским. Но связь анархизма с постмодернизмом – только один из его многочисленных вариантов, который принято обозначать термином *пост-анархизм* (см., например, [Call, 2010]), и далеко не все современные анархисты разделяют идеи постмодернистских авторов. Так, крайне отрицательно к установкам постмодернистского мышления относился Джон Зерзан (см., например, главу «Катастрофа постмодернизма» в его книге «Первобытный человек будущего» [2007]). Не так много русских анархистов хорошо знают Ж. Делеза, М. Фуко или Ж. Деррида, но очень многие связаны, например, с панк-культурой.

Не только ризома, но и любое другое понятие, претендующее на общее определение анархизма в его существенных и необходимых признаках, не будет точным. Любое понятие связывает определяемое им с некоторой подлинной природой, обладающей известными неотменяемыми характеристиками. Например, ризома вводит запрет на структуру, но в анархизме структура возможна.

Описание анархизма, вероятно, будет более точным, если использовать принцип *недоопределенности*, который мы вслед за Н. М. Азаровой понимаем как «такое состояние понятия, когда границы его определения каждый раз слегка отодвигаются по мере приближения к ним. Недоопределенность – это не неопределенность, не размытость, не отказ от определения. Это как мама, учащая ребенка плавать, отходит на шаг назад, когда ребенок уже почти к ней подплыл» [Азарова, 2015]. При этом важно уточнить, что недоопределенность в нашем случае является принципом описания, а не характеристикой анархизма, т. е. недоопределенность не означает, что сам анархизм недоопределен. Напротив, анархизм может быть

тщательно определен поставленными целями и провозглашенными манифестами, но эта его определенность никогда не будет окончательной.

Параметры анархического дискурса не являются обязательными, и способ его существования можно условно обозначить как конфигуративный – анархический дискурс образуется там, где смыкается несколько параметров анархического мышления и восприятия мира. Вопрос о том, какое количество параметров является достаточным с точки зрения анархического дискурсообразования, важен с точки зрения логики самоидентификации, которую анархисты, как мы наблюдали, оспаривают. Можно представить некоторый условный перечень наиболее значимых анархистских принципов (самоопределение, самоуправление, самоорганизация, свобода и равенство, взаимопомощь, децентрализация и федерализм, прямое действие и др.), но этот перечень не будет обязательным во всех случаях. По существу, в анархизме и нет базисных элементов, и он строится на самых разных принципах и установках, которые часто противоречат друг другу. Например, в разных направлениях анархизма может быть значим как принцип насилия, так и ненасилия, как принцип частной собственности,

так и отрицания частной собственности, или различным может быть отношение к выборам в органы власти. Анархический дискурс существует именно как условная конфигурация, ориентированная скорее на эмерджентные эффекты, возникающие от сцепления входящих в нее элементов, чем на соблюдение их чистоты и непротиворечивости по отношению к другим элементам анархического мировоззрения. Самое важное здесь – отрицание обладания и окончательной принадлежности и создание конструкций, которые существуют в режиме *недоопределенности*.

### Список литературы

Азарова Н. М. Личность ученого. Ю. С. Степанов в трехмерном пространстве науки, искусства и быта // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. тр. первой науч. конф. памяти академика РАН Ю. С. Степанова / Под ред. В. З. Демьянкова, Н. М. Азаровой, В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер. М.; Калуга: Эйдос, 2013а. С. 38–47.

Азарова Н. Об адресате, дискурсивных границах и субкоманданте Маркосе // Транслит. 2013б. № 13. С. 66–70.

Азарова Н. М. Механизм формирования прецедентного текста в культуре XX века (на материале поэзии Фернандо Пессоа) // Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст: Сб. ст. М.; Калуга: Эйдос, 2014. С. 156–174.

*Азарова Н. М.* Межъязыковое взаимодействие в поэзии Аркадия Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2015. № 131.

*Барт Р.* S/Z / Пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. М.: УРСС, 2001. 232 с.

*Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии / Пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.

*Блэк Б.* Анархизм и другие препятствия для анархии / Пер. с англ. Д. Каледина. М.: Гилея, 2004. 224 с.

*Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с фр. Н. Сусллова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.

*Бойм С.* От остранения к стёбу: риторика свободы в русской культуре XX века // Культуральные исследования: Сб. науч. работ / Под ред. А. Эткинды, П. Лысакова. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2006. С. 91–125.

*Боровой А. А.* Анархизм / Вступ. ст. П. В. Рябова. М.: Либроком, 2009. 168 с.

*Вдовиченко А. В.* Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 42 с.

*Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой, под ред. А. Пензина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

*Грэбер Д.* Фрагменты анархистской антропологии / Пер. с англ. А. Трутанова, А. Акулова, Я. Жогана, Л. Тимаровой. М.: Радикальная Теория и Практика, 2014. 172 с.

*Дамье В. В.* История Конфедерации революционных анархо-синдикалистов // Прямухинские чтения 2013 года. М.: Футурис, 2014. С. 118–128.

*Дебор Г.* Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович. М.: Логос, 2000. 184 с.

*Дебор Г.* За и против кинематографа: Теория, критика, сценарии / Сост., примеч. и коммент. С. Михайленко. М.: Гилея, 2015. 340 с.

*Дебор Г., Вольман Ж.* Методика détournement // Дебор Г. За и против кинематографа: Теория, критика, сценарии / Сост., примеч. и коммент. С. Михайленко. М.: Гилея, 2015. URL: <http://hylaea.ru/detournement.html>

*Делез Ж.* Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / Пер. с фр. Е. А. Наймана. Томск: Водолей, 1998. С. 225–240.

*Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я. И. Свицкого; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

*Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.

*Заяц Е.* NO LOGOвая инспекция // Синий диван. 2005. № 7. С. 214–220.

- Зерзан Дж.* Первобытный человек будущего. М.: Гилея, 2007.
- Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 336 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2: Мифологическое мышление. 280 с.
- Кляйн Н.* NO LOGO. Люди против брэндов / Пер. с англ. А. Дормана. М.: Добрая книга, 2003. 624 с.
- Косиков Г.* Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z / Пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. М.: УРСС, 2001. С. 8–29.
- Кузнецов С.* По ту сторону иметь и казаться: от Исидора Изу до Малколма Макларена, далее – везде // Новое литературное обозрение. 2003. № 64.
- Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Лурье С. Я.* Антифонт – творец древнейшей анархической системы / Вступ. ст. Д. И. Рублева. М.: Либроком, 2009. 168 с.
- Мэй Т.* Криптоанархия и виртуальные сообщества // Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / Под ред. П. Ладлоу; пер. с англ. О. Турухиной. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005.
- Пензин А.* M for Multitude. Вместо послесловия // Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой, под ред. А. Пензина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Рябов П. В.* Анархизм: сегодня, здесь, сейчас // Прямухинские чтения 2009 года. М.: Футурис, 2011. С. 89–103.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Либроком, 2010. 336 с.
- Тупикин В. А.* Исторический путь современного постсоветского и российского анархизма // Прямухинские чтения 2013 года. М.: Футурис, 2014. С. 15–31.
- Ударцев С. Ф.* Протоанархизм в Древнем мире: некоторые источники и представители (из истории политической и правовой мысли) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: Материалы науч. конф. СПб., 2005. С. 91–111.
- Федоренко М.* Новые приключения ненормальных // Polit.ru. 26.06.2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/06/26/shapitoshow/>
- Шубин А. В.* Место «Общины» в развитии либертарной и социалистической мысли // Прямухинские чтения 2013 года. М.: Футурис, 2014. С. 109–118.
- Шумаков А. А.* Анархизм и антиглобализм // Мир и политика. 2012. № 7.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

*Call L.* Post-anarchism Today // *Anarchist Developments in Cultural Studies*. 2010. № 1. P. 9–15.

*Coombe R. J.* The Cultural Life of Intellectual Properties: Authorship, Appropriation and the Law. Durham, NC: Duke University Press, 1998. 462 p.

*CrimethInc.* Анархия в эпоху динозавров. М.: Гилея, 2010. 160 с.

*Riesbeck D. J.* Nature, Normativity, and Nomos in Antiphon, fr. 44 // *Phoenix*. Journal of the Classical Association of Canada. 2011. Vol. 65, № 3/4. P. 268–287.

*serg\_mihalych.* Параллельные общества. Две тысячи лет добровольных сегрегаций – от секты ессеев до анархистских сквотов. М.: Ультракультура 2.0, 2011. 264 с.

*Žižek S.* The Three Events of Philosophy // *International Journal of Žižek Studies*. 2013. Vol. 7, № 1. URL: <http://zizekstudies.org/index.php/ijzs/article/view/426/470>

#### Article metadata

*Title:* Anti-Platonic philosophy of a name in the Russian anarchism

*Author:* M. Yu. Martynov

*Author's e-mail:* golossa@gmail.com

*Author affiliation:* Chuvash State Institute of Culture and Art

*Abstract:* The paper considers the problem of «the anarchism breadth» and its definability. The author shows that parameters of anarchical identity aren't determined forever and the relations between words and things are changeable. Anarchists adhere to idea of conditional communication of words and things and in this nominalistic orientation the anarchism can be defined as an anti-Platonism. In an anarchical anti-Platonism the relations of vertical dependence between the copy and the original are in a different way created. In an anarchical discourse the copy can be more important than the original, or it can have the same rights. In this context ideas of plagiarism and an anti-copyright Guy Debord, fake designs of anarchists, situationist prank, détournement, «orange actions», a mockery, a happening are considered.

*Key terms:* anarchism, power, discourse, anti-Platonism, copy, original, brand, anti-copyright, détournement, situationist prank, happening, anarchical identity.

*Reference literature (in transliteration):*

*Azarova N. M.* Lichnost' uchenogo. Ju. S. Stepanov v trehmernom prostranstve nauki, iskusstva i byta // *Jazykovye parametry sovremennoj civilizacii: Sb. tr. pervoj nauch. konf. pamjati akademika RAN Ju. S. Stepanova / Pod red. V. Z. Dem'jankova, N. M. Azarovoj, V. V. Feshhenko, S. Ju. Bochaver.* М.; Kaluga: Jejdos, 2013a. S. 38–47.

*Azarova N.* Ob adresate, diskursivnyh granicah i subkomandante Markose // Translit. 2013b. № 13. S. 66–70.

*Azarova N. M.* Mehanizm formirovanija precedentnogo teksta v kul'ture HH veka (na materiale poezii Fernando Pessoa) // Dinamika kul'turno-istoricheskoi paradigmy: chelovek, slovo, tekst: Sb. st. M.; Kaluga: Jejdos, 2014. S. 156–174.

*Azarova N. M.* Mezhjazykovoe vzaimodejstvie v poezii Arkadija Dragomoshhenko // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 131.

*Barthes R.* S/Z / Per. s fr. G. K. Kosikova, V. P. Murat. M.: URSS, 2001. 232 s.

*Barthes R.* Camera lucida. Kommentarij k fotografii / Per. s fr., po-slesl. i komment. M. Ryklina. M.: Ad Marginem Press, 2011. 272 s.

*Black B.* Anarhizm i druge prepjatstvija dlja anarhii / Per. s angl. D. Kaledina. M.: Gileja, 2004. 224 s.

*Baudrillard J.* Paroli. Ot fragmenta k fragmentu / Per. s fr. N. Suslo-va. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2006. 200 s.

*Boym S.* Ot ostraneniya k stjebu: ritorika svobody v russkoj kul'ture XX veka // Kul'tural'nye issledovanija: Sb. nauch. rabot / Pod red. A. Eetkinda, P. Lysakova. SPb.; M.: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge; Letnij sad, 2006. S. 91–125.

*Borovoj A. A.* Anarhizm / Vstup. st. P. V. Rjabova. M.: Librokom, 2009. 168 s.

*Vdovichenko A. V.* Grekojazychnye biblejskie teksty v predmetnoj i diskursivnoj modeljah opisaniya: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. M., 2014. 42 s.

*Virno P.* Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni / Per. s it. A. Petrovoj, pod red. A. Penzina. M.: Ad Marginem Press, 2013.

*Graeber D.* Fragmenty anarhistskoj antropologii / Per. s angl. A. Tru-tanova, A. Akulova, Ja. Zhogana, L. Timarovoj. M.: Radikal'naja Teorija i Praktika, 2014. 172 s.

*Damije V. V.* Istorija Konfederacii revoljucionnyh anarho-sindikalistov // Prjamuhinskie chtenija 2013 goda. M.: Futuris, 2014. S. 118–128.

*Debord G.* Obshhestvo spektaklja / Per. s fr. S. Ofertas, M. Jakobovich. M.: Logos, 2000. 184 s.

*Debord G.* Za i protiv kinematografa: Teorija, kritika, scenarii / Sost., primech. i komment. S. Mihajlenko. M.: Gileja, 2015. 340 s.

*Debord G., Wolman Zh.* Metodika détournement // *Debord G. Za i protiv kinematografa: Teorija, kritika, scenarii* / Sost., primech. i komment. S. Mihajlenko. M.: Gileja, 2015. URL: <http://hylaeva.ru/detournement.html>

*Deleuze G.* Platon i simuljagr // Intencional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaja mysl' Francii XX veka / Per. s fr. E. A. Najmana. Tomsk: Vodolej, 1998. S. 225–240.

*Deleuze G., Guattari P.-F.* Tysjacha plato: kapitalizm i shizofrenija / Per. s fr. i poslesl. Ja. I. Svirskogo; nauch. red. V. Ju. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktorija; M.: Astrel', 2010. 895 s.

*Žižek S.* Vozvyshennyj ob#ekt ideologii. M.: Hudozhestvennyj zhurnal, 1999. 236 s.

*Zajac E.* NO LOGOVaja inspekcija // Sinij divan. 2005. № 7. S. 214–220.

*Zerzan J.* Pervobytnyj chelovek budushhego. M.: Gileja, 2007.

*Capra F.* Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyh sistem. Kiev: Sofija; M.: Gelios, 2002. 336 s.

*Cassirer E.* Filosofija simvolicheskikh form / Per. s nem. S. A. Romashko. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie. 280 s.

*Klein N.* NO LOGO. Ljudi protiv brjendov / Per. s angl. A. Dormana. M.: Dobraja kniga, 2003. 624 s.

*Kosikov G.* Ideologija. Konnotacija. Tekst // Bart R. S/Z / Per. s fr. G. K. Kosikova, V. P. Murat. M.: URSS, 2001. S. 8–29.

*Kuznecov S.* Po tu storonu imet' i kazat'sja: ot Isidora Izu do Mal-kolma Maklarena, dalee – vezde // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 64.

*Kuhn T.* Struktura nauchnyh revoljucij / Per. s angl. I. Z. Naletova. M.: Progress, 1977. 300 s.

*Luije S. Ja.* Antifont – tvorec drevnejshej anarhicheskoj sistemy / Vstup. st. D. I. Rubleva. M.: Librokom, 2009. 168 s.

*May T.* Kriptoanarhija i virtual'nye soobshhestva // Kriptoanarhija, kibergosudarstva i piratskie utopii / Pod red. P. Ladlou; per. s angl. O. Turuhinnoj. Ekaterinburg: Ul'tra.Kul'tura, 2005.

*Penzin A.* M for Multitude. Vmesto posleslovija // Virno P. Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni / Per. s it. A. Petrovoj, pod red. A. Penzina. M.: Ad Marginem Press, 2013.

*Rjabov P. V.* Anarhizm: segodnja, zdes', sejchas // Prjamuhinskie chtenija 2009 goda. M.: Futuris, 2011. S. 89–103.

*Stepanov Ju. S.* V trehmernom prostranstve jazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva. M.: Librokom, 2010. 336 s.

*Tupikin V. A.* Istoricheskij put' sovremennogo postsovetskogo i rossijskogo anarhizma // Prjamuhinskie chtenija 2013 goda. M.: Futuris, 2014. S. 15–31.

*Udarcev S. F.* Protoanarhizm v Drevnem mire: nekotorye istochniki i predstaviteli (iz istorii politicheskoj i pravovoj mysli) // Petr Alekseevich Kropotkin i problemy modelirovanija istoriko-kul'turnogo razvitija civilizacii: Materialy nauch. konf. SPb., 2005. S. 91–111.

*Fedorenko M.* Novye priključenija nenormal'nyh // Polit.ru. 26.06.2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/06/26/shapitoshow/>

*Shubin A. V.* Mesto «Obshhiny» v razvitii libertarnoj i socialisti-cheskoj mysli // Prjamuhinskie chtenija 2013 goda. M.: Futuris, 2014. S. 109–118.

*Shumakov A. A.* Anarhizm i antiglobalizm // Mir i politika. 2012. № 7.

*Jurchak A.* Eto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 664 s.

*Call L.* Post-anarchism Today // Anarchist Developments in Cultural Studies. 2010. № 1. P. 9–15.

*Coombe R. J.* The Cultural Life of Intellectual Properties: Authorship, Appropriation and the Law. Durham, NC: Duke University Press, 1998. 462 p.

*CrimethInc.* Анархия в эпоху динозавров. М.: Гилея, 2010. 160 с.

*Riesbeck D. J.* Nature, Normativity, and Nomos in Antiphon, fr. 44 // Phoenix. Journal of the Classical Association of Canada. 2011. Vol. 65, № 3/4. P. 268–287.

*serg\_mihalych.* Параллельные общества. Две тысячи лет добровольных сегрегаций – от секты ессеев до анархистских сквотов. М.: Ультракультура 2.0, 2011. 264 с.

*Žižek S.* The Three Events of Philosophy // International Journal of Žižek Studies. 2013. Vol. 7, № 1. URL: <http://zizekstudies.org/index.php/ijzs/article/view/426/470>